

Т. В. Стась
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

**ЛЕКСИКА ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ,
НАЗЫВАЮЩАЯ УГОДЬЯ, ОБРАЗОВАННЫЕ
НА МЕСТЕ ВЫКОРЧЕВАННОГО УЧАСТКА ЛЕСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XIV–XVI ВВ.)**

Статья посвящена одной из актуальных проблем исторической лексикологии – лексико-семантическому анализу частной терминологической системы, функционировавшей в рамках XIV–XVI вв. В поле зрения находится комплекс вопросов, освещающих процесс формирования лексики землепашества в генетическом, семантическом и функциональном аспектах.

***Ключевые слова:** историческая лексикология, лексико-семантическая группа, полисемия.*

Подсечно-огневое земледелие в северных и северо-западных землях Руси с его выработавшейся веками сложной системой обработки лесных участков, превращения их в пахотную или сенокосную землю сохранялось здесь вплоть до XX в.

Процесс закладки нового поля в лесу в своем развитии претерпевал несколько этапов, определяющих названия участков леса, подготовленных под пашню или сенокос.

В новгородских памятниках письменности отмечен ряд слов и словосочетаний, отражающих в своей семантике различные периоды обработки лесоучастков под пашню. В основу характеристики лексики подсечно-огневого земледелия изучаемой территории положен дифференциальный признак “способ подготовки к использованию”. Объединение анализируемых лексем в лексико-семантическую группу определили этапы подготовки к использованию земельного участка в лесу: подсекание, выжигание, выкорчевывание (“выдираание”) пней и кустарника, подготовленный к сельскохозяйственному использованию участок леса.

В памятниках письменности Новгородской феодальной республики в качестве “участка леса, подготовленного к сельскохозяйственному использованию”, употреблялись, кроме прочих, лексемы *дорь*, *дорище*.

Лексема *дорь* – “расчищенное место” – общеславянская индоевропейского характера, связана чередованием с *деру*, *драть*, сюда же *раздор*, *вздор*. В “Материалах” И. И. Срезневского *дорь* (от *драти*, *деру*) представлена с семантикой “земля, расчищенная под пашню и под угодыя, распашь, дер”, здесь лексема *дорь* иллюстрируется примерами из памятников письменности Новгородской земли XV в.: А то, гоподине, *дорь* Кочевинской [13, т. 1, с. 708, 1490]. В “Материалах” Г. Е. Кочина *дорь* –

угодье сенное или пахотное [6, с. 101]. “Словарь русского языка XI–XVII вв.” приводит апеллятив *дорь* с семантикой “земля, расчищенная под пашню и покосы, иллюстрируя его примерами из документов конца XV и середины XVI вв.: *И суд(ь)и спросили Гридки да Оникея: хто те доры косят?* (ок. 1490 г.); *Да за рекою сосна сухая на дору на зарослом* (1550 г.).

Анализируемые памятники письменности Новгородской земли позволили уточнить время первой фиксации лексемы *дорь*. По нашим данным, первая фиксация этой лексемы приходится не на конец XV в., а на конец XIV в. Лексема *дорь* отмечена нами в Новгородской берестяной грамоте № 610, найденной археологами в 6 (соответствует 1377 г.) или в 7 (соответствует 1364 г.) ярусе. “Нет ничего удивительного в том, что берестяные грамоты, стоящие гораздо ближе к живой речи, чем книжная письменность, могут отразить процессы языкового развития раньше и полнее, чем пергаментные книги. Между тем совершенствование методов стратиграфической датировки археологических комплексов и особенно внедрение дендрохронологии позволило определить датировку берестяных документов с точностью до четверти столетия, т. е. точнее, чем для подавляющего большинства пергаментных книг” [3, с. 10].

Стратиграфической датой написания берестяной грамоты № 610 является конец XIV в., чему соответствуют характерные для этого времени палеографические признаки. Это целое письмо, приведем его фрагмент: *Поклон от Роха ко г(осподи)ну моему к Фефилату. Что бы еси, г(осподи)не, дале месце мне на доре, и язъ быхъ, г(осподи)не собе избу поставиле.* Как видим, текст приведенной берестяной грамоты достаточно ясен для понимания. В нем, по мнению В. Л. Янина и А. А. Зализняка, следует пояснить лишь слова *месце* и *дорь*. Не вызывает сомнения, что *месце* – это участок земли, место; *дорь* – земля, расчищенная под пашню и покосы.

Берестяная грамота № 610 была найдена в Неревском раскопе в 1982 г., следовательно, фиксация лексемы *дорь* в конце XIV в. не учтена и картотекой “Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)”, составление которой закончено в 1963 г.

С семантикой “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”, “подсека” апеллятив *дорь* отмечен в документах письменности Великого Новгорода и в XV–XVI вв.: *Продали есмь <...> доры к темъ деревьям* [1]; *И судьи велели между учинити дору по старой меже* [там же].

В XV–XVI вв. лексема *дорь* была распространена не только в документах Новгорода Великого, она отмечена и в документах XV в. других территорий, связанных с Великим Новгородом. Так ее мы находим в памятниках Белозерья, той языковой территории, которая входила в состав новгородского диалекта: *Даль язъ <...> на Сиземской стороне дорь да*

селище, что Чаромляне косили (1473 г.), а также в костромских и ярославских актах.

Учитывая данные памятников древней письменности, можно прийти к заключению о том, что лексема *дорь* в значении “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос” является ранним лексическим диалектизмом, образовавшимся еще до появления восточнославянской письменности. Можно полагать, что *дорь* “подсека” возникает в ранний период (VII–XI вв.) развития древнерусской народности в диалектах Верхнего Поволжья. Подтверждением этому может служить и то, что в современных говорах лексема *дор* с семантикой “подсека” сохранилась на северо-востоке (архангельские, вологодские, северные говоры). Совершенно меняется значение слова *дор* в западных смоленских, брянских, калужских, орловских, новгородских, северо-двинских, тверских говорах. Здесь *дор* – “кровельная drankа”, “прямослойное дерево, которое хорошо дерется или колется. *Дором драть, сдирать* [4, т. 1, с. 475). С пометой “северное” В. И. Даль отмечает лексему *дор* (от *драть*) с семантикой “новое селение в лесу”, а также – “жир, сало в мясе животных, прирость, тельное сало”. Ее отметили и составители “Словаря русских народных говоров” в северной части архангельских диалектов, где *дор* – “прослойка жира в мясе животного”. В современном русском литературном языке лексема *дор* отсутствует, лексикографическими материалами она не отмечается.

В исследованных документах отмечена также лексема *дорище* – суффиксальное производное от *дор*. Она зафиксирована с семантикой “участок леса, расчищенный под сенокос или пашню”. История суффикса *-ищ(е)* не описана даже фрагментарно, хотя в специальной литературе о нем упоминается неоднократно. В древнерусском языке суффикс *-ищ(е)* был многозначным. В этот период наиболее определенно он представлен в пространственном значении, т. е. суффиксальные производные с суффиксом *-ищ(е)* обозначали место, где что-то находится, находилось или происходит. О происхождении суффикса *-ищ(е)* в пространственном значении упоминали многие исследователи (И. И. Ковалик, Ф. Миклошич, В. Вондрак, А. Мейе, И. Отрембский, О. Франк и др.). По мнению И. И. Ковалика, появление суффикса *-ищ(е)* относится еще к доисторической поре, поскольку в ранних памятниках образования с ним уже нередки. Выделение суффикса *-ищ(е)* как самостоятельного форманта, как отмечает И. И. Ковалик [5, с. 72] могло произойти в результате переразложения только в названиях места с суффиксом *-ищ(е)*, образованных от отглагольных существительных на *-л(о)*.

В старорусском языке суффикс *-ищ(е)* был представлен не только в пространственном значении. Он использовался также с целью придания оттенка уничижительности именам собственным, на что обращалось внимание в специальной литературе [1, с. 56; 12, с. 116].

По нашему мнению, суффикс *-ищ(е)* с усилительно-экспрессивным значением имел большую продуктивность уже в древнерусском языке, что четко прослеживается в памятниках письменности Великого Новгорода и его земель (*дворище, репище, ржище, овсище, коноплице, огородище, жнище, лнище, хмелище, дворище* и др.). Производящие существительные и соответствующие производные с суффиксом *-ищ(е)* какими-либо семантическими оттенками не отличались. Суффикс здесь нельзя признать десемантизированным, так как десемантизация суффикса может происходить в отдельных образованиях какого-то типа, но никогда не охватывает массу однотипных производных.

Производное *дорище* с семантикой “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос” в исследованных материалах отличается от мотивирующего *дор* только в стилистическом плане: *А те, господине, дорища и гари были Кочевинские* (ок. 1490 г.). Суффикс *-ищ(е)* используется в предложенном примере для усиления выразительности. Интересны в этом отношении случаи использования сопоставляемых лексем *дор* и *дорище* в одном и том же контексте: *Кто те доры косят, укажите вы нам темь дорищам между* (ок. 1490 г.)

Следует отметить, что в современном русском языке производные с усилительно-увеличительным суффиксом *-ищ(е)*, дошедшие в него из древнерусского языка, отличаются от производящих существительных большей выразительностью (ср. *двор – дворище* и др.), то же можно сказать и о более поздних образованиях (*доклад – докладнице; магазин – магазинище* и др.).

В XV–XVI вв. слово *дорь* выпадает из активного запаса говорящих как апеллятив. С этого времени лексема *дорь* широко распространена в качестве топонима в новгородской письменности и в письменности других районов. Так, по данным писцовых книг Московского государства лексема *дорь* как топоним в XVI в. использовалась в Коломенском, Московском, Переяславском и Тверском уездах. Ареал распространения непроизводного топонима *Дорь* в Новгородской земле охватывал в основном территорию Бежецкой пятины, граничащей с Ростово-Суздальской землей. Наличие апеллятива *дорь* на территории Бежецкой пятины объясняется происходящими в период формирования языка древнерусской народности процессами междиалектного общения. Следствием этого является то, что лексема *дорь* – инновация Верхнего Поволжья, фиксируется как топоним Новгородскими Писцовыми книгами: *Д. Дорь: дв. Левонтикъ <...> сеють ржы пать коробей, сена косятъ пол-третьятцать копень, две обжы* [8, с. 51]. В Писцовых книгах Бежецкой пятины топоним *Дорь* активно используется и как название деревни: *Д. Дорь*, и как название починка: *Поч. Дорь*.

В Переписных оброчных книгах отмечены осложненные суффиксами топонимические наименования, образованные от апеллятива *дорь*: *Д. Дорокъ: дв. Юшка Петрушкинъ, сеетъ ржы 3 коробы, а сена коситъ 20 копень, обжа* [8, с. 46]. Активными в употреблении оказались топонимы *Дорища, Дорицо*, более поздние по происхождению производные от *Дорь* [8]. Переписная оброчная книга Деревской пятины отмечает деревни *Дорниково, Доровни*.

Топоним *Дорь*, используемый во множественном числе, скорее всего называющий местность, где расположена деревня: *Д. въ Дорахъ: дв. Федко, Гридинъ, сеетъ ржы 2 коробы, а сена коситъ 20 копень* [9, с. 164].

Активным использованием в Новгородских Писцовых книгах отличается топоним *Дора*, где соответствующий грамматический облик топонимического наименования *Дорь* изменяется и приобретает форму женского рода: *Д. Дора*. Предложения, в которых используется указанный топоним, структурно однотипны, они достаточно часто встречаются в [8; 9; 10; 11].

В памятниках письменности Великого Новгорода отмечено топонимическое наименование *Дорка*, осложненное суффиксом *-к-(а)*, производное от *Дорь* – *Д. Дорка*, которое зафиксировано в Писцовых книгах Деревской пятины и характеризуется достаточно высокой частотой употребления.

Префиксально-суффиксальное образование *Д. Задорье*, отмеченное на территории Деревской пятины, встречается также в памятниках бывшего Псковского княжества, граничившего с Деревской пятиной, юридически входившего в состав Новгородской республики до середины XIV в. На употребление на территории бывшего Псковского княжества более поздних производных топонимических образований от *Дорь* – *Задорье, Дорка* и др. указывает также А. И. Лебедева [5, с. 34].

В новгородских памятниках зафиксировано также составное топонимическое наименование со стержневым словом *Дорка*: *Д. Дорка Малая*.

Топонимическое наименование *Дор* сохранилось и в наши дни. Многие деревни, расположенные на берегу реки Шексны, носят подобное название. По данным Словаря русских народных говоров в Вологодской области и сейчас существуют деревни *Аничкин Дор, Собакин Дор, Амелин Дор, Карасин Дор*.

Л и т е р а т у р а :

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. – Ч. I. – М., 1860.
2. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографическою комиссиею. – СПб., 1838.

3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. – М.–Л., 1949.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980.
5. *Ковалик И. И.* Назви місця в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими мовами (словотвір) / И. И. Ковалик // Слов'янське мовознавство. – Вип. II. – К., 1958.
6. *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси / Г. Е. Кочин. – М.–Л., 1937.
7. *Лебедева А. И.* Значение топонимики для областного словаря (по материалам топонимики Псковской области) / А. И. Лебедева // Слово в народных говорах русского Севера. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1962.
8. Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины. Около 1495 г., первая половина. – СПб., 1859.
9. Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. Т. 2 / Переписная оброчная книга Деревской пятины, до 1495 г., вторая половина. – СПб., 1862.
10. Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 3 / Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. – СПб., 1868.
11. Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. Т. 5 / Переписная оброчная книга Шелонской пятины. – СПб., 1905.
12. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня – Т. I. – Харьков, 1874.
13. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб., 1893–1903.

***Стась Т. В.* Лексика підсічно-вогневого землеробства, що називає угіддя, утворені на місці викорчуваної ділянки лісу (на матеріалі пам'яток писемності XIV–XVI століть).**

Стаття присвячена одній з актуальних проблем історичної лексикології – лексико-семантичному аналізу конкретної термінологічної системи, що функціонувала в межах XIV–XVI ст. У полі зору знаходиться комплекс питань, які висвітлюють процес формування лексики землепашества в генетичному, семантичному та функціональному аспектах.

Ключові слова: історична лексикологія, лексико-семантична група, полісемія.

***Stas T. V.* Vocabulary slash-and-burn farming, called farmland, formed in place of the rooted-forest area (based on the written monuments of XIV–XVI centuries).**

The article is devoted to one of actual problems of historical lexicology – lexical-semantic analysis of the terminological system, which functioned in the framework of the XIV–XVI centuries. In the field of view is a set of questions covering the formation of the vocabulary of farming in the genetic, semantic and functional aspects.

Keywords: historical lexicology, lexical-semantic group, polysemy.